
Валерий СКОБЛО

* * *

Кем себя числю с прошлого года,
С тех пор, как предыдущая жизнь забыта
(Паспорт РФ у меня для вида) —
Гражданином Египта времен Исхода,
Подданным Санторина эпохи Крита?
О, моя жалкая Атлантида,

Рухнувшая в одночасье, разом,
Похороненная под пеплом забвенья,
Ставшая переходящим мифом,
Коему равно чужды память и разум.
К чему теперь молитвы и песнопенья?
Вот я и переселился к скифам.

Которых нет еще и в помине,
Но чье золото уже полнит курганы,
И археологи наготове —
Вгрызаться в степную землю,
вязнуть в глине.
Эти дальние страны... ближние страны...
Бедуину все это не внове.

Скиталец вечности, без иллюзий,
Без особых надежд... разочарований
(Паспорт РФ в потайном кармане).
Тоска прибывает, точно вода в шлюзе,
Теку я по странам, пока без названий,
Конным, и пешим, и в караване.

Я, запасясь справками, льготами,
Хаммурапи вызубривший от сих до сих,
Под непрекращающимся дождем
Воевал с нордгуннами и зюйдготами

Валерий Самуилович Скобло — поэт, прозаик, публицист. Родился в Ленинграде в 1947 году. Окончил матмех ЛГУ. Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной литературной периодике: в журналах: «Арион», «День и ночь», «Звезда», «Зеркало», «Зинзивер», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Нева», «Новая Юность», «Новый берег», «Новый журнал», «Новый мир», «Сибирские огни», «Слово \ Word», «Урал», «Homo Legens», билингве «Антология русской поэзии начала XXI века» (YMCА-Press) и многих других. Автор сборников стихов «Взгляд в темноту» (СПб., 1992), «Записки вашего современника» (СПб., 2011), «О воде и воле» (СПб., 2015), «За тайной печатью» (СПб., 2017). Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Лауреат премии им. Анны Ахматовой (М., 2012), лауреат международной премии им. Э. Хемингуэя (Торонто, 2020). Живет в Санкт-Петербурге.

(То есть, конечно же, против них и за них),
Ранен, похоронен и награжден.

На своем отощавшем верблюде
Из Австразии в Нейстрию перетекаю,
За медяки разгоняю тучи,
Свидетельствую о тайнах морских, чуде,
Минойцах, судьба у которых такая...
Этих стишков у меня до кучи.

* * *

Не скажу, чтобы в твердой памяти
и, уж точно, не в трезвом уме,
В полных сумерках интеллекта,
почти в непроглядной тьме,

Поскольку количество выпитого
превысило некий предел,
Ты удалился от ближних
и всех повседневных дел.

И вот, сражаясь с чудовищами,
порожденными разума сном,
Ты повержен, приятель, —
не сражайся с хлебным вином!

Сколько раз дураку говорили —
но советами ты пренебрег.
Не вникай... уж чего там? —
рассужденья — не твой конек.

Минотавр — по очкам победитель,
во всех сражениях ты разбит.
Клубочек шерсти — на штопку...
Здесь, натурально, не Крит.

Из «ШКОЛЬНЫХ АНАЛОГИЙ» (Альтернативные биографии)

Был мальчик... девочка... лунатик... натурал...
Умнее всех... глупейший среди прочих...
Был средненький такой... Когда бы только знал,
Кого себе судьба в любимцы прочит?

Он стал бы грузчиком... пошел бы в институт...
Хоть в армию... Находка где, потеря?

Уехал бы совсем к чертям, остался тут —
Да что метаться, если ты тетеря?

Отверг насилие... был форменный садист.
Стал атеистом или кришнаитом.
Он мухи не обидел, был душою чист...
Лупил других и сам не раз был битым.

Как звался бедный? Ну, положим, имярек.
Был трезвенник... в крови хмельная брага...
Так и остался десятиклассником навек,
Наверное, не выбрал, бедолага.

* * *

Шел трамвай десятый номер...

Мы поехали в Житомир,
По дороге некто помер.
Вольный, радостный, нагой,
Он в Житомир — ни ногой.
Знать, настало время оно...
Некто вышел из вагона.

Мы сгрузили мертвеца,
Нам ни брата, ни отца,
И в Житомир едем дале.
Он остался на вокзале,
На перроне на пустом —
Что ему Житомир?.. дом?..
Что ему семья былая?..
Он летит, как огонь, пылая,
По дороженьке иной,
Ветер свищет за спиной.

Этот «некто» — всем наука:
Жизнь — причудливая штука,
Как ни страшен переплет,
Выйдешь, свистнешь — и в полет!
Промельк станций пред тобой,
Можно выйти на любой.

Может выпасть не Житомир
И другой попасться номер,
Не боись!.. Боится трус,
Жизнь — не больше чем искуc.
Натыкаясь на края —
Помни в гуще бытия:
Этот некто — ты и я.

* * *

Много истово верящих —
        мало любящих истово:
Не по дальнему умыслу —
        от сердца чистого.

Подумай, на что же тут сетовать? —
        ну, мало — и мало...
Не то чтобы это
        сильно меня удручало.

Да и таких-то, как я,
        впрочем, тоже не очень много:
В сомнениях
        не отвергающих все с порога.

За что, по мнению большинства, —
        не зря так положено:
Для мне подобных
        дороженька в ад проложена.

И по этой дорожке
        под чьи-то злорадство и жалость
Шагать мне совсем-то немного...
        чуть-чуть осталось.

* * *

В своей последней реинкарнации,
В которой все погодки мои — старики,
Для меня едины все страны и нации,
Все государства и материки.

Все конфессии и все религии
Одинаково и равно стали чужды.
Не читаю совсем газеты и книги я,
Ни симпатии к ним нет, ни вражды.

Как в кристалл все пространство заковано,
Где оно ледяным озарилось огнем.
Как же в мире стало и чисто, и холодно.
Мир блистает... Но как же холодно в нем.